

Дмитрий Бортников: «Наша жизнь - это жизнь без зонтика» | Dmitri Bortnikov : « Notre vie c'est une vie sans un parapluie »

Author: Надежда Сикорская, [Париж-Женева](#) , 19.01.2022.

Дмитрий Бортников во время интервью по Scype (c) Nashagazeta

Несколько дней назад в книжных магазинах Швейцарии и Франции появился роман «Чистилище», вышедший в лозаннском издательстве Noir sur Blanc. Его автор – русский писатель, живущий в Париже. Мы побеседовали с ним о жизни и смерти, о «менопаузе души», о сумасшествии и любви. Встречайте автора!

|

Depuis quelques jours le roman « Purgatoire » publié par Les Éditions Noir sur Blanc à Lausanne, se trouve dans les rayons des librairies en Suisse et en France. Son auteur est né

en Russie mais habite Paris. Nous avons parlé avec lui de la vie et de la mort, de la « ménopause de l'âme », de la folie et de l'amour... Le voici.

Dmitri Bortnikov : « Notre vie c'est une vie sans un parapluie »

Дмитрий Бортников родился в городе Отрадном в 1968 году. В конце 1980-х отслужил в армии в стройбате за Полярным кругом, недалеко от Тикси, в Якутии. Учился на филологическом факультете Самарского университета (не окончил). Увлекается классической музыкой, латынью, древнегреческим и старославянским языками. В 2012 году получил гражданство Франции и в настоящее время живёт и работает в Париже. Это скупые данные из Википедии. Остальное он рассказал нам сам.

Наша Газета: Дмитрий, у Вас необычная биография: неоконченное филологическое образование в Самаре, а потом набор таких странно сочетающихся профессиональных занятий как повар, гадатель, учитель и танцор. Поваром, если не ошибаюсь, Вы служили у одной русской графини. Может, расскажете немного об этом периоде?

Дмитрий Бортников: Фамилию назвать не могу, но историю расскажу. Все, наверное, знают, что русские эмигранты знакомятся в русских церквях. И вот в Париже, на третий день моего пребывания в этом городе, когда французского я совсем не знал, я пошел в Русскую церковь на rue Pétel. После службы люди там познакомились, пили чай. И были бутерброды – с маслом и с красной икрой. Рядом со мной сидела пожилая женщина с лисой на плечах. И вот между нею и другим человеком за столом потянулся я за бутербродом – тихо-о-о-нечко так, осторожно, медленно. Потянулся и пытался из этой ситуации выйти. И тут сосед вскрикнул, толкнул меня, и я вижу, как мой бутерброд, несколько раз перевернувшись, падает графине на плечо. (Правда, тогда я не знал, что эта женщина была графиней.) Но подает правильной стороной – икрой наверх. Графиня и не почувствовала! Я попытался его взять, но толкнувший меня человек начал кричать: «Что Вы делаете!» Тут графиня заметила бутерброд и произнесла: «Впервые в жизни бутерброд падает на меня правильной стороной! Кто это сделал?» Я признался. Она поинтересовалась, чем я еще занимаюсь, помимо разбрасывания бутербродов. Я говорю: «Учусь в Сорбонне». Она: «Давно?» Я: «Два дня». Она: «А чему Вы там учитесь?» Я: «Разучиваюсь русскому языку». Она: «А что еще умеете?» Я: «Все! Русский парень после армии умеет делать все, даже детей». Она: «Насчет детей не знаю, а вот могли бы Вы готовить русскую еду?» И так я начал готовить русские блюда, которым придумывал разные экзотические названия, типа картошка по-монастырски.

Кстати, о картошке. Герой Вашей книги утверждает, что существует пятьдесят способов приготовить картошку, из них десять – без картошки. Это как? Можете привести один пример?

Конечно! Как делают борщ в Самаре? Кладут свеклу, мясо и так далее, а в последний момент – три огромных картофелины, которые должны «взять» излишек цвета. Потом эти картофелины выбрасывают. Вот вам картофельный суп без картошки.

Надо Вам издать книгу рецептов - «Обеды с графиней и без картошки». Будет бешеный успех! Но вернемся к основной нашей теме. Из немногих Ваших интервью известно, что прозу Вы пишете с девятилетнего возраста, при этом писателем становиться не собирались. Как произошла конверсия?

Конверсия была, как у всех лентяев, а лентяй я страшный. Представьте себе Обломова с котом, вот я еще больший лентяй, чем кот Обломова. Я не любил учиться, ни вообще что-либо делать, кроме как есть и смотреть вдаль. А быть хотел врачом, причем с детства. Вся моя семья по отцовской линии – врачи. Отец мой благородных кровей, а матушка – из крестьян, буквально крепостных. Но она смогла стать врачом и единственным человеком в ее семье, кто умел читать, не шевеля губами.

Я очень любил свою матушку и с десятилетнего возраста мотался с ней по госпиталям. Зимой, вечером по после работы, мы с ней ходили собирать пьяниц, чтобы они не умерли в сугробе. Они не были ей благодарны: когда мы тащили одного такого в подъезд, согреться у батареи, он требовал сапог, имея только один. Я ходил искать второй, а потом пьянчуга вспомнил, что вышел из дома с одним.

И вот я хотел быть врачом. Я родился с чувством, что все нуждаются во мне, что никто без меня жить не может, что никто без меня умереть не сможет, что все без меня замерзнут и умрут с голоду. На самом деле никто, конечно, не замерз и не умер, и все прекрасно могут жить без меня. Я начал учиться в медицинском институте. Но чтобы стать врачом, надо обладать большой усидчивостью, дисциплиной, а потому после трех курсов я добровольцем призвался в армию. Надо сказать, что в юности, до 18 лет, я был очень толстым, не входил в объектив фотоаппарата. В армии я потерял половину веса. Когда вернулся, матушка меня не узнала. И я ее не узнал, так она поседела. Постепенно я избавился от синдрома спасателя, синдрома жертвы и решил, что болтать – не мешки ворочать, и пошел на филологический факультет. Отец, закончивший историко-филологический, это решение поддержал.

А потом Советский Союз обрушился. Моя матушка оказалась почти без работы – в течение нескольких месяцев она не получала зарплату. А я в то время зарабатывал тем, что гулял с приятелем по пляжу, выбирал потенциальных жертв и гадал им по руке. Пользовался определенным успехом, за предсказания мне платили. Вот на эти деньги мы какое-то время жили. А потом я увидел, что Фонд Сороса, хотевший создать в России дистанционное обучение, объявил конкурс на лекции по русской литературе. Победителю обещали 3000 долларов и компьютер. Отец посоветовал попробовать. Я попробовал и параллельно написал три рассказа, которые отправил во все существовавшие журналы. Ни один не ответил, кроме Playboy, который в то время печатал Пелевина, Сорокина... Полученное от Playboy письмо матушка спрятала. Они прислали второе, которое отец мне дал. Журнал заплатил мне хорошие деньги за два рассказа. Моя матушка решила выкупить весь тираж, присланный в Самару – где-то 400 экземпляров, на мои же деньги. Один экземпляр отец спрятал под матрасом, но она его нашла и предсказала, что я закончу дни либо в доме для престарелых сумасшедших, либо в тюрьме. Вот так все и получилось.

Вы согласились провести это интервью на русском языке, хотя порой предпочитаете французский. Язык Мольера стал для Вас по-настоящему родным?

Да, мне стало легче говорить на французском. Он въелся в меня, как запах. Наверное, у меня все органы уже стали французскими. Когда я приезжаю в Самару к тетушке, она говорит: «От тебя пахнет чужбиной». Правда, когда я возвращаюсь обратно в Париж, моя кошка меня нюхает и говорит: «От тебя пахнет чужбиной».

Сочинительство на не родном языке – явление в литературе крайне редкое. Среди российских авторов сразу всплывают два примера – Владимир Набоков

**и Андрей Макин. (Последний вообще сразу начал писать по-французски.)
Написав три романа на русском, Вы перешли на французский, и очень
успешно – роман *Face au Styx* («Перед Стиксом») был признан лучшим
французским романом 2017 года по версии журнала *Lire*. Почему
понадобился переход на другой язык? Как вообще происходит это в каком-то
смысле перерождение?**

Отвечу двумя тирадами – мистической и коммерческой. Первая: чтобы начать писать на другом языке, надо умереть на родном. Только это позволяет переродиться. Я могу сказать по-французски, а Вы переведете: *L'art pour moi ne sert qu'à ressusciter avant de mourir.*

«Искусство, по-моему, нужно лишь для того, чтобы воскреснуть до смерти».

Вот именно. Вторая тирада гораздо проще: для кого писать во Франции по-русски?!

**Вы как-то обмолвились, что не нашли в России «своего» читателя, и это
несмотря на то, что признание на родине было. Считаете ли Вы, что во
Франции «Ваш» читатель нашелся?**

Я не искал читателя. Когда в пустыне человек начинает кричать, то кто бы первый к нему не подбежал – сайгак, барсук, птица – тот и становится его слушателем. Человеку больно, он кричит, а ворона какая-нибудь слушает. Но читать ворона не умеет. А если бы и умела, то все, что она может сделать, это купить два часа крика человека в пустыне.

Есть писатели, которые как кастрюли – они содержат искусство. А я, скорее, как дуршлаг, через меня все выливается.

Dmitri Bortnikov

Purgatoire

Traduit du russe par Julie Bouvard

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

У романа, который стал поводом для нашей беседы, интересная судьба. Он появился в 2005 году под названием «Спящая красавица» и стал последней Вашей книгой – по крайней мере, на сегодняшний день, – написанной по-русски. А теперь вышел по-французски под названием, в котором от сказки не осталось ничего, – «Чистилище». Что произошло в литературных кулисах? Почему Вы решили поменять название? Почему роман так долго не переводился?

Начну с конца. Роман не переводился, потому что не готовы были ни я, ни переводчик, ни издатель. Я уже жил французской жизнью, писал по-французски и забыл абсолютно про эту книжку. Каждая книга – это состояние, и я из того состояния вышел. Как колбаса, которую вынули из холодильника, и она зажила своей колбасной жизнью. А холодильник продолжал работать. И вот пришло время для колбасы вернуться в холодильник.

По поводу названия. Я не хотел сохранить это название по-французски, потому что есть прекрасный японский писатель Ясунари Кавабата, написавший роман «Les Belles Endormies». Я не хотел, чтобы название моего романа было эхом. Я – голос, я не эхо.

Ваш роман можно воспринимать, как своеобразный поток сознания главного героя, из мальчика превращающегося в юношу, затем в мужчину. Можно ли говорить об автобиографичности романа?

В очень малой степени. Во-первых, у меня нет сестры, а была бы, моя матушка была бы довольна – были бы внуки, а может, и правнуки, а я был бы только рад избавиться от семьи. Я был такой дурак в молодости, что хотел от семьи избавиться. У нас была прекрасная нормальная семья, с любовью и склоками, но я хотел от нее избавиться. Теперь мое отношение к семье изменилось. Когда я писал этот роман, в 2003 году, у меня на руках был мой сын, родившийся в 2001-м. Я сам стал папой, семьей. Я полагал, что «Спящая красавица» – это гимн семье и гимн разрушению семьи. Но перечитав книгу по-французски, я понял, что на самом деле это гимн спасению семьи. Герой, оказавшись перед выбором, оставить сумасшедшую мать и жить своей жизнью или принести себя в жертву, приносит себя в жертву.

У всех персонажей есть имена, за исключением рассказчика и его матери. Почему?

Менопауза у женщин и андропауза у мужчин заключается в том, что в организмах происходят физиологические изменения, организм готовится к перестройке, к закрытию природы в нем, к утрате способности размножаться. Необратимые физиологические изменения побуждают человека подводить итоги, которые его либо удовлетворяют, либо нет. На самом деле, никто не бывает своими жизненными итогами удовлетворен. И возникает отторжение своей жизни, своего тела. Возникает неудовлетворенность: хочется того, хочется другого, не хочется ничего. Это и есть менопауза души. Потому что два эти персонажа действительно автобиографичны. Моя мать была сложным и странным человеком. Она обладала некоторыми сверхъестественными свойствами. Она научила меня останавливать сердце, чем я иногда развлекаюсь на приемах у врачей. Она научила меня останавливать кровь наложением руки, собирать лечебные цветы. Она научила меня плавать. И она привила мне любовь к созерцанию. Мой отец был человеком активным, а она могла долго смотреть на птиц, на кувшинки на озере... Проводя с ней очень много времени,

я все это перенял. Мои воспоминания о матери – не словесные. Я не помню, что именно она говорила, но помню ее голос. Помню ее запах, ее манеру двигаться. Иногда я чувствую на собственном лице выражение ее лица. Мы были очень сильно связаны. Но, с другой стороны, она меня абсолютно не понимала, вот как бывает!

У матери главного героя настоящее духовное слияние с Волгой.

Действительно ли эта река, на которой прошло Ваше детство, так влияет на людей?

Волга – странная река. Тут надо вспомнить разницу между рекой и морем. Река проходит мимо, а море – приходит, всегда нам что-то принося. Волга – это река, обладающая магией, которая заключается в том, что, находясь близко к ней, на границе между землей и водой, вы испытываете ощущения, что это море, потому что она тоже приносит. Но когда вы вдали от нее, то она проходит – как поезд. Детьми, живя в степи, мы бегали смотреть не поезда – символы движения, другой жизни, перекликающиеся между собой. А рядом с нами бегал жеребенок, которого это тоже интересовало. На Волгу можно смотреть бесконечно, хотя, казалось бы, ничего не происходит. Волга приводит человека в состояние гармонии. Когда вы идете к ней и встречаете людей, с нее возвращающихся, то видите, что у них другие лица. Потом эта маска спадает.

Меня зацепило Ваше выражение «менопауза души». Не могли бы Вы пояснить его для наших читателей.

Как врач могу сказать, что менопауза у женщин и андропауза у мужчин заключается в том, что в организмах происходят физиологические изменения, организм готовится к перестройке, к закрытию природы в нем, к утрате способности размножаться. Необратимые физиологические изменения побуждают человека подводить итоги, которые его либо удовлетворяют, либо нет. На самом деле, никто не бывает своими жизненными итогами удовлетворен. И возникает отторжение своей жизни, своего тела. Возникает неудовлетворенность: хочется того, хочется другого, не хочется ничего. Это и есть менопауза души.

Меня как женщину не мог оставить равнодушной такой удивительный для автора-мужчины пассаж: «Мужчине проще быть одному, чем женщине. Мужчина всегда умудрится найти гостеприимный кров, достаточно лишь регулярно бриться и не забывать чистить зубы три раза в день. Рано или поздно жалостливая одиночка подберет его. А если у него хватит ума жевать с закрытым ртом и не пукать под столом, то и оставит навсегда». Вы правда думаете, что женщины настолько неразборчивы и неприхотливы?

К сожалению, в России в то время, когда я там жил, было очень много алкоголизма. Женщина – существо очень тонкое. В сравнении с мужчиной она – кружево, а мужчины в России женщин использовали вместо шумовок. Вы же знаете, сколько было одиноких женщин, брошенных... Моего отца однажды спросили, не гомосексуалист ли я, потому что я мылся два раза в день. В такой стране чисто выбритый и чисто вымытый мужчина всегда найдет женщину, потому что женщины в то время не были готовы жить одни – с детьми, без защиты, когда любой может обидеть. Это очень тяжело, я это знаю, я это видел. При этом женщине, как существу гораздо более тонкому, гораздо труднее и найти себе мужчину, который бы ее понял. Женщина мужчину поймет всегда. А мужчине понять женщину очень трудно. Почему мужчины часто молчат? Да потому что выразить не могут! И находиться в интимных

отношениях с женщиной для них – испытание. А кто нас учил разговаривать с женщиной, если папа с мамой были несчастливы? Очень редки семьи, где есть настоящая любовь и близость. А если папа пьет и бьет маму, то какие могут быть отношения у их детей с будущими супругами? И это касается не только России. С разницей в уровне алкоголизма. Женщине не нужно пить, чтобы говорить, а мужчине, особенно в России, нужно – чтобы язык развязался. Потом он снова завязывается, а время идет, женщины стареют, мужчины дуреют, дети вырастают... И жизнь прошла.

Основные темы Вашего романа - сумасшествие и смерть. Отчего так мрачно? Это - главное в нашей жизни?

Я считаю, что смерть – это единственное, к чему надо относиться серьезнее, чем ко всему остальному. По сравнению с ней все становится смешным. Что после нас останется? Мы же не помним свое рождение – так вышло, мы родились. Но мы ответственны за то, как мы умрем. То, что мы родимся, мы не знали, а что умрем – знаем. И все остальное вытекает из этого знания. Любовь вытекает из смерти, поэтому она сильнее смерти. А сумасшествие – это отказ от разума, чтобы спасти дух, это жертва, приносимая живым существом. Последняя жертва.

Ох... после такого я даже не знаю, о чем бы Вас еще спросить... Может быть, Вам хочется сказать что-то, о чем я не подумала?

Вы уже подумали о стольком, о скольком я бы не подумал за год! Я вообще не думаю. Когда я пишу, я впадаю в странное состояние, которое трудно объяснить. Но я не думаю. Со мной, с моим языком происходит что-то, что вне мыслей. И когда в эти периоды я общаюсь с людьми, разговариваю с ними и особенно когда я пытаюсь их в чем-то убедить, моя речь не течет, как река Волга, а падает, как дождь. Когда вы под дождем, вы можете, конечно, взять зонтик, но если вы хотите стать свидетелем дождя, то делать этого не следует. Наша жизнь – это жизнь без зонтика.

[литература](#)

Статьи по теме

[Людмила Улицкая: «Шатается все, что казалось незыблемым»](#)

[Леонид Юзефович: «Правде не обязательно быть правдоподобной»](#)

[Гузель Яхина и ее «Дети»](#)

[Михаил Шишкин: «Только мерой стыда измеряется любовь к родине»](#)

[Юрий Андрухович : О героях нашего времени и стенах непонимания](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dmitriy-bortnikov-nasha-zhizn-eto-zhizn-bez-zontika>